

с. 1-2

с. 1

## Журнальное обозрѣніе.

„Русская Мысль“. 1894 г. январь. „Артистъ“ 1894 г. январь).

Первая книжка „Русской Мысли“ за нынѣшній годъ очень интересна и разнообразна по содержанию. Эти два свойства, т. е. занимательность и многосторонность (или всегда присущи почтенному журналу, хотя строгая опредѣленность его литературной физиономіи нерѣдко прерывалась отъ этого. Никто не скажетъ, конечно, чтобы „Русская Мысль“ отличалась неопредѣленностью направленія, хотя и въ этомъ отношеніи она уступаетъ некоторымъ другимъ журналамъ; но наряду съ единствомъ направленія, выражающаго равнодѣйствующую общественныхъ симпатій и антипатій извѣстнаго органа, существуетъ еще единство *мировоззрѣнія*, по отношенію къ которому направленіе является только составной частью, хотя и одною изъ важнѣйшихъ. Яркимъ видѣть въ журналѣ достигнутымъ такое единство мировоззрѣнія, какъ это ни въ значительной мѣрѣ находимъ въ „Вѣстникѣ Европы“ и „Русскомъ Богатствѣ“. Упомянутого драгоценнаго свойства „Русская Мысль“ лишена, и оттого въ ней встрѣчаются чувствительныя противорѣчія, колебанія и непоследовательность, лишь только дѣло коснется вопросовъ, выходящихъ за извѣстную, строго отжеванную журналомъ, область. Въ рассматриваемой мною книжкѣ журнала читатель можетъ найти характерный примѣръ непоследовательности по вопросу о задачахъ художественнаго творчества. Вотъ что говорится въ библиографическомъ отдѣлѣ журнала (стр. 40) по поводу очерка г. Альбова „Сороковой бѣсъ“: „одна изъ грустинъ нашихъ беллетристовъ юшла уже до того, что намѣренно хотѣла бы вытравить всякую идею изъ художественнаго произведенія... Произведенія такихъ беллетристовъ очень похожи на нѣкоторый самодѣйствующій фотографическій аппаратъ, поставленный на окнѣ, идущаго на улицу. Пройдетъ мимо идоловъ—аппаратъ отразитъ его. Про-

ползетъ по травѣ „багряный червецъ“—подавай сюда и червепа. Застрекочетъ „въ алаки сущій кузнецъ“—что жъ, и онъ годится. А что къ чему, аппарату до этого дѣла нѣтъ. И нѣсколько дальше: „въ подобныхъ произведеніяхъ особенно ярко выражается или ложная теорія искусства, преувеличенный натурализмъ, или просто лѣнь мысли. Это послѣднее свойство—самый страшный изъ недуговъ, которымъ можетъ страдать беллетристъ; недугъ этотъ можетъ погубить какой-угодно талантъ“. Всѣ эти вѣрныя мысли выражены такъ отчетливо, что усумниться въ антипатіи журнала къ „самодѣйствующимъ фотографическимъ аппаратамъ“, казалось бы, мудрено. А между тѣмъ... Между тѣмъ „Русская Мысль“ пріютила на своихъ страницахъ рассказъ г. Чехова—„Бабы царство“.

Попробуемъ изложить вкратцѣ содержаніе этого страннаго и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ весьма замѣчательнаго произведенія талантливаго беллетриста. Признаемся, это очень нелегко, такъ какъ событія въ разбираемомъ „рассказѣ“ совершенно отсутствуютъ: онъ представляетъ собою перечень настроеній, носѣвшихъ душу богатой и образованной купчихи наканунѣ Рождества и въ самый день праздника. Такая склонность изображать одни настроенія, избѣгая всякаго движенія, всякаго дѣйствія—чрезвычайно характерна для пассивной натуры русскаго человѣка, этотъ лѣнивый мечтательный квіетизмъ отличается отъ квіетизма индусовъ только болѣзненно заумнымъ характеромъ размышленій, приходящихъ въ голову героямъ многочисленныхъ русскихъ повѣстей и романовъ. Ничѣмъ не разрѣшающіяся сомнѣнія отмѣчаютъ дѣятельность нѣкоторыхъ изъ Тургеневскихъ героевъ: у Льва Толстого Безуховъ и Левинъ, пространствовавъ въ области изслѣдованій много лѣтъ и старательно осязая все доступное и недоступное, близостально къ тому же мѣсту, откуда вышли. Любопытно, что чѣмъ дальше идти въ хронологическомъ порядкѣ, тѣмъ болѣе выступаетъ на первый планъ отвлеченность, безрезультатность и крайняя

субъективность этихъ аналитическихъ блужданій: г. Чеховъ охотно заканчиваетъ ихъ сумасшествіемъ своихъ героевъ или просто прерываетъ ихъ, превращая все произведеніе въ нѣчто безформенное и обращенное обоими концами въ пустое пространство. Вмѣстѣ съ тѣмъ, средство превращается въ самодовлѣющую цѣль: у Тургенева и отчасти еще у Толстого сомнѣнія героевъ интересны тѣмъ, что касаются значительныхъ жизненныхъ явленій: у г. Чехова анализъ зачастую хорошъ именно потому, что онъ есть анализъ, а „что къ чему—аппарату до этого нѣтъ дѣла“... Конечно, немногаго стоитъ душевная жизнь тѣхъ людей, которые никогда не переживали ломки безсознательности сложившихся отроческихъ воззрѣній и не очищали своего сердца мучительной, но здоровой работой совѣсти! Но съ другой стороны, что можетъ быть грустнѣе зрѣлища субъектовъ, потерявшихъ всякую точку опоры и плавающихъ по волнамъ собственныхъ настроеній, приглядываясь къ каждому изъ нихъ, какъ къ чему-то таинственному и многозначительному!...

Быть можетъ, истолковывая такимъ образомъ положеніе г. Чехова въ ряду русскихъ беллетристовъ, я все еще преувеличилъ его сознательное отношеніе къ изображаемымъ имъ явленіямъ; пусть рѣшитъ этотъ вопросъ читатель. Героиня рассказа г. Чехова—милліонерша и собственница большого завода; происходитъ она изъ необразованной купеческой семьи, но сама получила образованіе. Въ рождественскій сочельникъ приказчикъ прислалъ ей полторы тысячи рублей, которые она хочетъ отдать нуждающимся, но не знаетъ, кому и какъ. Послѣ долгихъ размышленій, она ѣдетъ къ бѣдному чиновнику Чаликову, просившему ее о помощи, но Чаликовъ оказывается пьяницей и внушаетъ ей отвращеніе низкой дѣлостью, такъ что она рѣшается помочь ему только небольшою суммой. Жильцомъ у Чаликовыхъ оказывается рабочій съ завода, принадлежащаго героинѣ,—Пименовъ; онъ пригласился ей своимъ разумнымъ и мужественнымъ видомъ, и она мечтаетъ о немъ. На слѣдующій день ее

с. 1

приходят поздравлять съ праздником заводские люди, и она вновь отличает Пименова; затѣмъ являются визитеры, а къ обѣду прѣзжаютъ старыя знакомыя — статскій генералъ Крылинъ и адвокатъ Лисевичъ. Этотъ адвокатъ — живая, типическая фигура, нарисованная съ замѣчательнымъ мастерствомъ: поклонникъ fin de siècle, утонченный эстетикъ изъ числа тѣхъ, эстетика которыхъ смазываетъ больше на гастрономію, онъ скрываетъ наглую жадность подъ личиною дружеской фамиллярности усталого дѣловаго чловѣка и дряблѣе безсиліе подъ эффектиными фразами о прелестяхъ извращеннаго существованія. Между ними и Анной Акимовной (такъ зовутъ героиню) идетъ обѣденное sauterie, при чемъ адвокатъ болтаетъ по привычкѣ, а Анна Акимовна, мечтающая о Пименовѣ, впадаетъ въ возвышенное настроеніе, укоряя себя въ пренебреженіи къ рабочимъ; въ то же время она внутренне любитъ благородствомъ своихъ побужденій. Адвокатъ съ генераломъ уѣзжаютъ, получивъ отъ хозяйки по солидному денежному подарку. Вечеромъ А. А. идетъ въ свой „гинекей“, гдѣ богомолка Жужелица гадаетъ на картахъ. Разговоръ идетъ о любви и кончается тѣмъ, что А. А. требуетъ, чтобы Жужелица сосватала ее за Пименова. Все это, однако, она обращаетъ въ шутку послѣ того, какъ лакей Мишенька идиотически ухмыльнулся по случаю такого сватовства, а воображеніе нарисовало ей Пименова за обѣденнымъ столомъ, рядомъ съ Крылинымъ и Лисевичемъ. „Она легла, не раздѣваясь, и зарыдала отъ стыда и скуки“, гоноритъ г. Чеховъ и заканчиваетъ рассказъ жалобой героини: дуры мы! Ахъ, какія мы дуры!“

Съ послѣднимъ почти можно согласиться. Но зачѣмъ же въ такомъ случаѣ читателю знать сокровенныя мысли столь неинтересныхъ особъ, да еще такія мысли, у которыхъ нѣтъ ни конца, ни начала? Но случайная прихоть воображенія богатой купчихи, — все таки, хотя и вздорная, но вразумительная тема для рассказа; бѣда въ томъ, что въ „Бабьемъ царствѣ“ есть еще рыжая Мама, Варварушка, генералъ Крылинъ, кучеръ Пан-

телей, лакей Мишенька и каждому авторъ удѣлилъ значительную долю вниманія, нагромоздивъ цѣлую кучу никому ненужныхъ, хотя нерѣдко изящно нарисованныхъ, портретовъ. Сюжетъ рассказа, ничтожный самъ по себѣ, совершенно тонетъ въ морѣ деталей, обличающихъ тонкую, но мелочную и безсвязную наблюдательность писателя. Не смотря на всю эту филигранную работу, на отсутствіе банальности и преувеличеній, не смотря на изящество языка — послѣ прочтенія „Бабьяго царства“ приходится поставить большой вопросительный знакъ и спросить редакцію „Русской Мысли“: признаетъ ли она по совѣсти талантъ г. Чехова за „самодѣйствующій фотографическій аппаратъ?“ И что изъ двухъ — преувеличенный натурализмъ или лѣньность мысли продиктовали ему „Бабье царство“?

Преувеличенный натурализмъ въ концѣ концовъ сводится на лѣньность мысли. Это читалъ несравненные разсужденія Тэна о подражаніи искусства природѣ, тотъ безъ труда пойметъ, что гораздо легче просто списывать съ натуры, нежели открывать въ данной намъ дѣйствительности существенныя черты, опредѣляющія самое ея существованіе и ея отношеніе къ воспринимающему субъекту. Тѣмъ очень удачно называетъ льва пастью, поднявшемуся на четыре лапы, до такой степени всѣ остальные органы этого хищника прировнены къ одной преобладающей функціи; подобно этой львиной пасти въ каждомъ явленіи имѣются свои характерныя признаки, которые художникъ долженъ выдвинуть на первый планъ. Для надлежащей полноты этотъ принципъ, примѣняемый Тэномъ лишь къ внѣшнимъ чувствамъ, долженъ быть распространенъ и на чувство (эволюцію) и волевыя побужденія: не всякое настроеніе подлѣжитъ художественному изображенію, а только типическое состояніе чувства и воли, опредѣляющее собою всѣ остальные.

Какъ бы то ни было, но не только герой г. Чехова заботливо прислушивается къ каждому движенію своего чувства и ежеминутно ловитъ себя на неискрен-

ности (эту неприятную и ненужную манеру г. Чеховъ позаимствовалъ у Льва Толстого), но и самъ авторъ считаетъ каждое свое наблюденіе одинаково многозначительнымъ и оказывается безсильнымъ свести всѣ эти разсѣянные блестяки въ какому-нибудь единству. Даже лучшія произведенія г. Чехова, какъ, напр., „Палата № 6“, не лишены совершенно ненужныхъ и притомъ довольно длинныхъ эпизодовъ: „Бабье-же царство“ представляетъ собою совершеннѣйшій образецъ автоматической писательской дѣятельности и что всего обиднѣе, со стороны художника, одареннаго крупнымъ талантомъ.

Кромѣ разобраннаго рассказа въ настоящей книгѣ „Русской Мысли“ есть еще два оригинальныхъ беллетристическихъ произведенія, изъ которыхъ ни одно въ этомъ номерѣ не доведено до конца. Одно изъ этихъ произведеній принадлежитъ Д. В. Григоровичу, другое знаменитому живописцу В. В. Верещагину. Рассказъ ветерана натуральной школы кажется случайно занесеннымъ къ намъ изъ глубины пятидесятихъ годовъ, хотя авторъ и упоминаетъ въ немъ имя нашего современника Фламмариона; трудно объяснить почему, но и въ темѣ рассказа, и въ тонѣ изложенія слышится что-то архаическое, давно забытое нашими поколѣніемъ. Да и въ самомъ дѣлѣ, едва-ли сентиментальныя и восторженные поэты, пишущіе драмы „Игорь“ и т. п., встрѣчаются нинѣ среди департаментскихъ чиновниковъ, а если и встрѣчаются, тѣхъ надо днемъ съ фонаремъ искать. Кромѣ того, этотъ рассказъ принадлежитъ къ разряду юмористическихъ произведеній, а юморъ всегда составлялъ Ахиллесову пяту маститаго писателя, всегда отзывался чѣмъ-то принужденнымъ, вымученнымъ и вдобавокъ не самостоятельнымъ. Впрочемъ, подождемъ окончанія рассказа и не будемъ спѣшить съ рѣшительнымъ сужденіемъ о немъ.

По началу повѣсти г. Верещагина можно замѣтить, что ея авторъ значительно лучше владѣетъ кистью, чѣмъ перомъ: всюду вѣденъ въ немъ умный, многоопытный и симпатичный чловѣкъ, умѣ-

с. 2

ющій гладко и плавно излагать свои мысли, но не находящій въ себѣ силъ вымыслиться надъ писательской рутинной. Впрочемъ, читается начало повѣсти не безъ интереса.

Изъ переводимыхъ произведений, кромѣ романа Сенкевича „Семейство Полонезскихъ“, о которомъ я буду говорить въ особой статьѣ, въ январской книжкѣ помѣщенъ граціозный, хотя и нѣсколько странный, рассказъ Вальтера Безанта и начало романа Поля Маргеритъ—„Семейныя бѣды“.

Стихи въ „Русской Мысли“... Но я позволю себѣ сдѣлать маленькое отступление для того, чтобы оправдать то вниманіе, съ которымъ я намѣренъ въ своихъ обзорныхъ относить къ стихамъ. Названный родъ литературы въ наше время не то въ полномъ загонѣ, не то въ большой чести: но и честь эта горше поруганія. Почти все сходится въ томъ, что стихотворная форма есть нарядное платье, въ которое люди, именующие поэтами, почему-то считают пугнымъ одѣвать свои досужія размышленія: одни изъ читателей справедливо норяцаютъ безполезную страсть къ мишурнымъ украшениямъ, другіе же — эстетики-гастрономы въ родѣ адвоката Лисевича изъ „Бабьяго царства“ г. Чехова—съ уношеніемъ разсматриваютъ скелетъ, увѣшанный звонкими побрякушками. Только немногіе инстинктивно чувствуютъ, что стихотворная форма иногда бываетъ необходима. Но еще меньше такихъ людей, которымъ извѣстно, что ритмичность—законъ природы, что всякое приподнятое чувство, всякая богатая жизнь и бьющая черезъ край энергія стремятся выразиться въ формѣ разбѣренныхъ движеній или звуковъ: пусть читатели вспомянутъ хотя бы мѣрные взмахи топора дровосѣка или весьма распространенную привычку въ минуты душевнаго возбужденія покачивать въ тактъ головой или ногой, или же постукивать какимъ-нибудь предметомъ на столу и т. п. Понятно поэтому, что истинно поэтическія произведенія, въ которыхъ форма является результатомъ внутренней необходимости, бываютъ особенно богаты содержаніемъ; объ этомъ

лирическомъ стихотвореніи Пушкина, Лермонтова или Некрасова нужно было бы написать цѣлый трактатъ, чтобы раскрыть вполнѣ заключенныя въ немъ богатства. Но за то тѣмъ невыносимѣе рубленая проза, въ которой отсутствуютъ мысль и одушевленіе. Многіе стихотворцы, считающіе себя поэтами, сознаютъ послѣднее обстоятельство: имъ невольно чувствуется, что въ стихотвореніи должно быть что-то необыденное. Поэтому, они въ своихъ произведеніяхъ отправляются куда-нибудь въ южныя страны и окружаютъ себя экзотическими растениями въ то время, какъ имъ больше всего хочется сидѣть дома, объясняясь прекрасному видѣнію въ любви, несмотря на то, что ихъ клонитъ ко сну, надѣваютъ пророческую мантию съ горя, что не удалось сыграть въ винтъ и т. п. Между тѣмъ, всякая ложь въ стихахъ особенно смѣшна и неуѣднана: только дѣйствительно пережитое можетъ стать предметомъ поэтическаго изображенія: даже фантастическія картины должны быть въ воображеніи пережиты поэтомъ съ силой и ясностью настоящей дѣйствительности. Всякая же поддѣлка немедленно выдастъ себя какой-нибудь неправдоподобной чертой. Такимъ образомъ, поэтъ имѣетъ право говорить только сухую правду, только настоящее, подлинное дѣло. Но правда изображенія идетъ рядомъ съ простотой выраженія. Покойный Надсонъ въ письмѣ къ пишущему эти строки сжато и ярко выразилъ сущность этихъ разсужденій.—„Чувство должно быть просто выражено: все прекрасное просто до строгости“. И далѣе: „какъ художникъ-копіистъ имѣетъ передъ собой постоянно оригиналъ, такъ и поэтъ имѣетъ передъ собой опредѣленную мысль и все, что не служитъ къ ея выраженію, отбрасываетъ“. Въ другомъ мѣстѣ онъ выразился, что „во всемъ стихотвореніи не должно быть ни одного слова лишняго“. Если мы сравнимъ съ этой точки зрѣнія ослѣпительно-эффектное и необыкновенно звучное стихотвореніе одного современнаго намъ поэта „Южная ночь“, гдѣ есть такіе строки:

Скажи, богиня, для кого  
Ты въ розѣ брачныя одѣты?

Ты ждешь-ли друга своего  
Порфироснаго разсвѣта?  
Чтобъ лучезарный юный богъ  
Съ тебя покровъ сорвалъ, а  
И тѣло смуглое зажметъ  
Могучимъ зноемъ поцѣлуй и

если мы сравнимъ, говорю я, эти съ непритязательной простотой безъ ной „Украинской ночи“ изъ нуніи „Полтавы“, то мы поймемъ, въ чемъ разница. Одинъ поэтъ видѣлъ пербой дѣйствительную украинскую потому писалъ все сама простма „прозрачно небо; звѣзды блещутъ“ другой же искалъ эффектнаго со звуковъ и красокъ, а ночь давнымъ потерялъ изъ виду. И каждый д своей цѣли: у одного мы находимъ стихахъ все обаяніе настоящей ночи, у другого—блестящую, но ненную реторику.

Въ настоящее время претендентъ „Бенедиктовщина“ находится въ шомъ почетѣ, вслѣдствіе распростнаго въ публикѣ эстетико-гастрческаго отношенія къ поэзіи. За послѣдніе годы изъ дѣйствительныхъ вещей можно отиѣтитъ нѣсколько прекрасныхъ стиховъ г. Полонскаго, нанечатанныхъ, къ дѣнію, въ такомъ неудобочитаемомъ, какъ „Русскій Вѣстникъ“, нходные переводы г. Бальмонта изъ ли (особенно „Облако“ и „Станемъ регу Неаполитанскаго залива“) и, нецъ, небольшое стихотвореніе, нтанное въ сентябрьской книжкѣ „наго Вѣстника“ за прошлый годъ, надлежащее мало извѣстному г. Работникову.

А теперь—revenons à nos moutons къ стихотвореніямъ, помѣщеннымъ „Русской Мысли“. Изъ нихъ стоитъ минанія только одно (первое) изъ надлежащихъ г. Немировичу-Дан Оно написано на старую, но вѣчно тему тоски по родинѣ и заключаетъ себѣ, между прочимъ, слѣдующее красное четверостишіе:

Бѣднякъ, обласканный и сытый  
Среди чужихъ ему людей,

Все жъ вѣренъ жалкой, неумытой,  
Голодной матери своей.

Изъ другихъ статей, помѣщенныхъ въ январской книжѣ журнала, надо отмѣтить интересную статью г. Иванова „Демократическая публика въ эпоху просвѣщенія“. Г. Ивановъ, писатель, весьма склонный къ распылчатости и злоупотребленію общими мѣстами, на этотъ разъ далъ яркое, живое и сжатое изложеніе избраннаго имъ предмета: онъ даже исполнилъ больше, чѣмъ обещать въ заглавіи статьи, присоединивъ къ описанію правовъ парижскаго партера XVIII вѣка живое описаніе актерской среды.

Г. Крандівскій въ статьѣ, посвященной вопросу о содѣйствіи земскихъ учреждений сельскому хозяйству, даетъ поучительный очеркъ благотѣльныхъ трудовъ земства, направленныхъ къ увеличенію площади крестьянскаго землепользованія. (Статья составляетъ начало обширнаго очерка земской дѣятельности, который обѣщаетъ быть чрезвычайно интереснымъ и полезнымъ для читателей, лишенныхъ возможности охватить однимъ взглядомъ плодотворную работу русскаго земскаго самоуправленія, раздробленную по отдѣльнымъ уѣздамъ и губерніямъ. Авторъ предполагаетъ въ своемъ трудѣ разсмотрѣть все, сдѣланное земствомъ по слѣдующимъ вопросамъ: улучшеніе техники сельскаго хозяйства, распространеніе сельскохозяйственныхъ знаній, обезпеченіе крестьянскому населенію минимума средствъ для веденія своего хозяйства, ссуды подъ залогъ хлѣба и, наконецъ, земская сельскохозяйственная организация.

М. (Статья г. Вахтерова—„Книжные склады въ провинціи“ тоже весьма интересна. Авторъ, указавъ на общеизвѣстное явленіе, что крестьянскія дѣти по выходѣ изъ школы, вслѣдствіе недостатка приложенія полученныхъ знаній очень быстро забываютъ все выученное, рекомендуетъ непосредственное и законодательствомъ распространеніе въ провинціи книжныхъ складовъ, бен-приноровленныхъ къ умственному уровню и потребностямъ сельскаго населенія и не преслѣдующихъ коммерческихъ цѣ-

лей. Такіе склады у насъ мѣстами есть, но они расположены въ губернскихъ центрахъ, такъ что деревенское населеніе почти лишено возможности покупать въ нихъ книги; полезно было-бы завести такіе-же склады при сельскихъ школахъ.

Рекомендую читателямъ блестяще написанный г. Церасскимъ „Научный обзоръ“, въ которомъ очень ярко и рельефно обрисовано современное состояніе астрономіи. Не менѣе рекомендую и рѣчи двухъ замѣчательныхъ дѣателей русской науки—профессоровъ Тимирязева и Стеченова, произнесенныя на общемъ собраніи съѣзда русскихъ естествоиспытателей и врачей. Въ рѣчи г. Стечнова есть строки, очень поучительныя для поклонниковъ „чудснаго“—т. е. спиритизма и т. н. наивныхъ продуктовъ скудной человѣческой изобрѣтательности. Знаменитый фзіологъ называетъ механизмъ человѣческой памяти великимъ чудомъ и говорить по этому поводу: „къ явленіямъ памяти мы такъ привыкли, что не удивляемся этому чуду; но стоитъ только сравнить то, что она производитъ, съ дѣятельностью какого-нибудь схожаго съ ней снаряда, выстроеннаго руками человѣка, и чудо тотчасъ же бьетъ въ глаза“. Далѣе идетъ сравненіе съ фонографомъ и характеристикой изумительной работы, производимой памятью. Спрашивается, что значать рядомъ съ этой великой, глубокой и таинственной дѣятельностью природы—жалкія и неосмысленныя явленія спиритизма, въ родѣ снага съ медиумасортука или прыгающей скрипки? Одно уже ничтожество этихъ явленій обличаетъ въ нихъ дѣло рукъ человѣческихъ.

Въ январской книжѣ „Артиста“ имѣется разсказъ г. Чехова—„Черный монахъ“. Недостатокъ мѣста мѣшаетъ мнѣ поговорить объ этомъ интересномъ произведеніи талантливаго писателя. Скажу только, что обычныя достоинства и недостатки нашего художника и въ этомъ разсказѣ—на лицо: невыясненность или незначительность (что изъ двухъ—рѣшить мудрено) общей концепціи произведенія и мастерскіе эпизоды отличаютъ и „Чернаго монаха“. Портреты Тани и ея отца нарисованы замѣчательно тонко, симито-

мы сумасшествія героя (появленіе чернаго монаха и восторженное состояніе производятъ сильное впечатлѣніе, но въ чемъ собственно состоитъ сущность разсказа, я уяснить не берусь. Сумасшествіа какъ сумасшествія, изображать не стоитъ, а тѣмъ болѣе нѣтъ надобности приплетать къ его изображенію пѣлую исторію дружбы и любви безумца къ молодой дѣвушкѣ, если эта исторія не имѣетъ прямого отношенія къ психической болѣзни героя: типическаго-же въ видѣніяхъ и выходахъ Коврина нѣтъ ни капли: то обстоятельство, что это—сумасшествіе образованнаго человѣка, профессора психологій, грезы его исполнены интереснѣхъ мыслей и образовъ, еще ничего не говоритъ въ пользу типичности изображенія.

Не новъ и не особенно замѣчателен по тенѣ, но довольно талантливо написанъ разсказъ г. Мамина-Сибиряка „Бѣрогой другъ“. Ясность его производитъ пріятное впечатлѣніе послѣ растерянной запутанности изображенія въ „Черномъ монахѣ“.

Очень недурно стихотвореніе г. жи Шенкиной-Кунерникъ: въ немъ довольно много и правды, и настроенія; но, не смотря на краткость пьесы, въ ней есть лишнія строки и неясныя, вывѣтшія отъ употребленія выраженія, въ родѣ „мертвѣющихъ цѣпей“. Какъ бы то ни было, въ стихотвореніи замѣтно неподдѣльное поэтическое дарованіе.

„Замѣтки читателя“ г. Иванова, въ которыхъ авторъ старается обрисовать типъ современнаго литературнаго героя, заключаютъ много вѣрныхъ мыслей, но много общихъ мѣстъ, ничего не говорящихъ уму читателя; отъ этого пріонстѣкаетъ нѣкоторая растянутасть очерка.

Интересна статья г. Балзана „Трунулось-ли впередъ темное царство“, но она еще не кончена, и потому о ней—въ слѣдующій разъ.

Б. Н.